

Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития

© 2023

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: В статье рассматривается проблема законодательного оформления досудебного производства как самостоятельной части уголовного процесса, направленной на достижение собственных целей и задач. Декларируемое законодателем единство уголовного процесса, проявляющееся в общем назначении всей уголовно-процессуальной деятельности (ст. 6 УПК РФ), и продолжающееся отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством (ст. 1, п. 56 ст. 5, ст. 6 УПК РФ) противоречат его смешанной природе, создают ложное впечатление о единстве уголовно-процессуальной деятельности следователей, прокуроров и судей, препятствуют реальному развитию состязательности как принципа исключительно судебного производства, отрицательно влияют на качество и эффективность уголовного процесса в целом. Четкое размежевание досудебного и судебного производств должно, по мысли автора, повысить ответственность органов предварительного расследования и прокуратуры за эффективность досудебного производства, а также обеспечить подлинную независимость суда. Рассмотрение досудебного производства как самостоятельного вида деятельности, отделенного от судебного производства, позволяет вынести на суд научной общественности вопрос о необходимости не только закрепления целей и задач, специфичных для каждой части уголовного процесса, но и формулирования отдельных групп принципов, определяющих сущность уголовно-процессуальной деятельности в досудебном, и отдельно – в судебном производстве.

Ключевые слова: досудебное производство; досудебное производство в уголовном процессе; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; структура уголовного процесса; цели, задачи и принципы досудебного производства; начало и окончание предварительного расследования; субъект предварительного расследования.

Для цитирования: Лазарева В.А. Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-20-27.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности как системы, управляемой с помощью права, в значительной мере зависит от качества правового регулирования. Ошибки в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений, порождая проблемы в правоприменительной деятельности, снижают ее качество и эффективность вне зависимости от других причин как объективного, так и субъективного свойства. Грамотное управление деятельностью следственных и судебных органов с помощью норм права рассматривается как залог успеха их функционирования, однако меры, предпринимаемые законодательной властью с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства, не обеспечивают достижения должного эффекта. Восполнение пробелов и устранение противоречий в правовом регулировании зачастую влечет возникновение правовых коллизий, разрешение которых порождает новые проблемы. Даже столь решительное изменение нормативно-правовой основы уголовного процесса, как принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в 2001 г., не привело к желаемому результату.

Исторически сформированный как процесс смешанного типа, российский уголовный процесс до настоящего времени соединяет в себе два принципиально различных производства – предварительного расследова-

ния и судебной деятельности. Восприятие законодателем российского уголовного процесса как целостной системы, подчиненной единым целям, решающей общие задачи и основанной на общих принципах, привело к тому, что и предварительное расследование, и судебное производство потеряли свою самоидентичность и самостоятельность. Между тем досудебное производство издавна воспринималось как деятельность, осуществляемая «вне суда, до суда и для суда» [1, с. 3], что дает основания рассматривать ее как предшествующую судебному производству (т. е. судопроизводству), обособленную от суда самостоятельную деятельность. В совокупности с судебной деятельностью досудебное производство образует систему вышестоящего уровня, которую принято называть «уголовный процесс» или, в современной интерпретации, «уголовное судопроизводство».

Понимая это, авторы и создатели действующего УПК РФ разделили уголовно-процессуальную деятельность на две составляющие – досудебное и судебное производство (п. 56 ст. 5 УПК РФ) подобно тому, как в свое время авторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. делили ее на производство (исследование) предварительное (розыск и дознание) и производство окончательное (судебное) [2]. Однако ни в первом, ни во втором случае эта мысль не была доведена до логического завершения. Устав уголовного судопроизводства включал в предварительное исследование судебную

деятельность – предание суду и приготовительные к суду распоряжения, а УПК РФ странным образом объединил досудебное производство и судебное производство под общим названием «судопроизводство», фактически расширив границы судебной части уголовного процесса и распространив ее на досудебные стадии. В результате произошло искусственное объединение функционально различных видов деятельности, игнорирующее, по определению Н.С. Мановой, «качественный скачок» при переходе деятельности от одного должностного лица к иному компетентному государственному органу [3].

Неоспоримое сушностное и существенное различие досудебного производства и судебного, которое признается исследователями как необходимое средство обеспечения объективности расследования [4], обуславливает необходимость его изучения и регулирования в качестве самостоятельной и самодостаточной части уголовно-процессуальной деятельности, обособленной от других ее структурных элементов четкими границами, имеющей собственные цели и решающей свои, стоящие только перед ней задачи. Несмотря на явную очевидность сказанного, закон, регулируя уголовно-процессуальные отношения, по-прежнему исходит из того, что перед следствием и судом стоят общие цели и задачи, не утруждая себя при этом их нормативным закреплением. Отсутствие четкого определения целей, задач, принципов, границ и других важных параметров досудебного производства отрицательно влияет на его качество и эффективность, размывая ответственность осуществляющих его государственных органов и их должностных лиц.

Цель исследования – восполнение пробелов и устранение противоречий правового регулирования на основе методов сравнительно-правового, исторического и системно-структурного анализа норм уголовно-процессуального права, обоснование на их основе тезиса о самостоятельности досудебного производства как одной из двух частей уголовного процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели и задачи досудебного производства

Любая человеческая деятельность, как известно, имеет смысл лишь тогда, когда она стремится к определенному результату, достижение которого характеризует ее как эффективную. Следовательно, судить об эффективности или неэффективности деятельности можно, лишь зная цель, для достижения которой эта деятельность предназначена. Однако действующий УПК РФ не только не определяет целей досудебного производства, в нем вообще нет правовой нормы, формулирующей целеполагание уголовно-процессуальной деятельности в целом [5]. Вместо этого ст. 6 УПК РФ определяет назначение уголовного судопроизводства, которым является защита прав и интересов физических и юридических лиц вне зависимости от того, в каком отношении с предметом уголовно-процессуальной деятельности они состоят. Защита в равной степени гарантируется как лицам, потерпевшим вред от преступлений, так и возможным причинителям этого вреда, а назначению уголовного судопроизводства соответ-

ствует как справедливое наказание виновных, так и отказ от уголовного преследования невиновных и освобождение их от наказания.

Оставляя в стороне очевидное несовершенство этой законодательной формулировки [6] (назначению уголовного судопроизводства не может соответствовать ни отказ от уголовного преследования невиновных, ни тем более освобождение их от наказания, поскольку в силу ст. 8 УК РФ невиновные не подлежат уголовной ответственности и наказанию, а значит, не подлежат и уголовному преследованию), а также очевидную нетождественность понятий «назначение» и «цель», укажем лишь на то, что при всей привлекательности идеи приоритетной защиты прав и свобод личности (развитию которой автор посвятил несколько своих работ), защита прав и свобод личности не может рассматриваться в качестве непосредственной цели уголовно-процессуальной деятельности, а мысль о том, что уголовный процесс осуществляется для того, чтобы защитить лицо от незаконного обвинения, осуждения и т. д. (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), сама по себе достаточно странная. Бесспорно, закон должен ограждать участников уголовного процесса от нарушений, а нарушенные права должны быть восстановлены, ибо «результат деятельности может быть принят только в том случае, если при ее выполнении соблюдались права и законные интересы участников деятельности» [7, с. 185]. Однако, исходя из того, что уголовно-процессуальное право призвано (предназначено) в первую очередь обеспечивать функционирование следственных и судебных органов в полном соответствии с конституционными принципами, гарантирующими неприкосновенность и другие права личности, можно утверждать, что ст. 6 УПК РФ обозначает не непосредственные цели уголовно-процессуальной деятельности и/или осуществляющих ее субъектов, а назначение уголовно-процессуального права как важнейшего инструмента государственной политики в рассматриваемой области.

Цель уголовного процесса должна не только характеризовать его сушностный смысл, но и быть при этом четкой, предметной, достижимой (а задача – выполнимой [8]) и функционально определенной [3]. Формулирование в законе общих целей (задач) для предварительного расследования, прокурорского надзора и правосудия признавалось теоретическим парадоксом, затрудняющим оценку эффективности системы даже в условиях отсутствия законодательного признания идеи разделения процессуальных функций [9]. Сегодня, определяя цель уголовно-процессуальной деятельности, следует учитывать функциональное предназначение ответственного за достижение ее результата должностного лица. В уголовном процессе, где разные уполномоченные государством лица и органы выполняют разные процессуальные функции – предварительное расследование, обвинение и правосудие [10], – каждое должностное лицо и каждый орган должны быть ответственны за тот результат, достижение которого соответствует его процессуальной функции.

В уголовном процессе, в котором функция расследования отделена от функции правосудия, перед органами расследования и судом не могут быть поставлены одинаковые задачи. В противном случае один из этих видов деятельности становится ненужным, поскольку

его задачи либо уже решены предыдущим субъектом, либо будут решены следующим. Единство задач дознавателя, прокурора и суда, закрепленное прежде в ст. 2 УПК РСФСР, «подрывало основу разграничения функций суда и органов, осуществляющих уголовное преследование» [11, с. 42]. Соответственно и цели, вытекающие из этих задач или обуславливающие их (вопрос о соотношении целей и задач трактуется в науке по-разному), не совпадают.

Ответ на вопрос о том, какова цель досудебного производства, представляется достаточно очевидным, если исходить из того, для решения каких задач требуется деятельность следственных органов (органов расследования). Смысл их функционирования вытекает из необходимости выполнения государством функции поддержания правопорядка, обеспечения безопасности его граждан. Поэтому в случае совершения правонарушения государство обязано соответствующим образом реагировать – без эффективного механизма принуждения к исполнению закона обеспечить правопорядок невозможно. Следовательно, в каждом случае выявления признаков преступления государство в лице соответствующих органов обязано установить, было ли совершено запрещенное уголовным законом деяние, выявить лицо, его совершившее, и принять меры карательного и профилактического воздействия, чтобы ни лицо, совершившее преступление, ни другие лица не испытывали более желания нарушать уголовно-правовые запреты.

Отсюда понятно, что значительная часть содержания ст. 2 УПК РСФСР была адресована именно органам предварительного расследования, обязанным быстро и полно раскрыть преступление, т. е. найти и изобличить виновных, тем самым обеспечив возможность правильного применения закона судом и справедливого наказания виновного. Само существование досудебного производства, если не иметь в виду дела частного обвинения, обусловлено общественным значением совершенного преступления и сложностью установления его обстоятельств. Установление этих обстоятельств и составляет непосредственную цель досудебного производства. Ее недостижение не только препятствует началу судебного этапа производства по делу о преступлении, но и не позволяет свершиться правосудию. Необходимые для достижения этой цели задачи также специфичны. Это задачи быстрого и полного раскрытия преступления, собирания доказательств, объективно подтверждающих виновность конкретного лица в его совершении, формулирования обвинения, пресечения попыток противодействия расследованию. Эффективное решение указанных задач и достижение обозначенной цели придает досудебному производству свойство социальной полезности, востребованности, способствует укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений и искоренению преступности, охране интересов общества, прав и свобод личности.

Принципы досудебного производства

Не претендуя на сколько-нибудь четкое, тем более исчерпывающее определение целей и задач досудебного производства или уголовного процесса в целом (этой проблемой занимались многие [5; 6; 12–14], однако единой позиции как на теоретическом, так и законода-

тельном уровне не было выработано), автор лишь подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к формулированию целей и задач для разных видов уголовно-процессуальной деятельности.

В свете обозначенной специфики целей и задач, решаемых в досудебном производстве, может быть поставлен на обсуждение и вопрос об обоснованности сохранения единой системы принципов в уголовном процессе. В действующей сегодня системе принципов значительный вес имеют конституционные гарантии неприкосновенности личности, жилища, охраны частной жизни, прав и свобод личности, презумпция невиновности, право на квалифицированную юридическую помощь и на судебную защиту, право на жалобу. Сфера реализации этих принципов не ограничивается рамками уголовного процесса, и в дополнительном закреплении в нормах отраслевого законодательства они не нуждаются. Другие входящие в систему принципов положения касаются исключительно судебной деятельности – осуществление правосудия только судом, независимость судей, разумный срок уголовного судопроизводства, состязательность, свобода оценки доказательств. Их влияние на досудебное производство хотя и присутствует, но в достаточно опосредованной форме.

Укажем, например, на неограниченность срока расследования и отсутствие возможности ходатайствовать о его ускорении, как это предусмотрено ст. 6.1 УПК РФ для дела, находящегося в суде, и на невозможность «придать сквозной характер принципу состязательности, распространив его действие и на досудебное производство» [15, с. 104], которому этот принцип в континентальной модели не свойственен [16]. Справедливо замечено: попытка универсализации принципов уголовного процесса бесперспективна [17]. Уместно вспомнить определение М.С. Строговича: «Принципы советского уголовного процесса – это принципы советского социалистического правосудия» [18, с. 125], из которого естественным образом возникает вопрос: на каких принципах основывается досудебное производство, которое, очевидно, не может считаться сферой осуществления правосудия?

В качестве одного из таких принципов предлагаем рассматривать обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, что предполагает выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств. В отличие от положений ст. 20 УПК РСФСР, возлагающих эту обязанность на суд, прокурора и следователя, данная процедура должна осуществляться исключительно органами предварительного расследования в силу возложенного на них бремени доказывания сформулированного в адрес конкретного лица обвинения, опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого (обвиняемого), и пр., что конкретизируется ст. 73 УПК РФ.

Еще одним принципом досудебного производства правомерно считать тайну предварительного расследования как антипод гласности судебного разбирательства, которая в этом случае вернет себе статус принципа уголовного судопроизводства. Положения, составляющие содержание предлагаемого принципа, фактически воплощены в ст. 161 УПК РФ в качестве общего

условия предварительного расследования, но, поднятые на уровень принципа досудебного производства, они обоснованно обретают более высокое значение.

К принципам досудебного производства можно отнести также обязанность органов расследования и их должностных лиц обеспечивать соблюдение конституционных прав и законных интересов участников досудебного производства, как нормативно-правовой основы правил об обязательности рассмотрения ходатайств (ст. 159 УПК РФ); о мерах попечения, о детях, иждивенцах и сохранности имущества подозреваемого, обвиняемого (ст. 160 УПК РФ); по обеспечению возмещения причиненного преступлением вреда (ст. 160.1 УПК РФ).

Субъект досудебного производства

Не менее серьезной, учитывая многосубъектный характер досудебного производства, является проблема определения субъекта, решающего его задачи. Представления о следователе как о самостоятельном участнике уголовного процесса, единолично осуществляющем расследование, как следовало из ст. 127 УПК РСФСР [18], уходят в прошлое. Как справедливо заметил Н.В. Азаренко, в настоящее время уголовно-процессуальную деятельность осуществляют четыре органа (органы следствия, дознания, прокуратуры и суд) и их должностные лица (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор и судья)¹. Следователь сегодня не может самостоятельно принять сколько-нибудь значимое решение без одобрения руководителя следственного органа, а во многих случаях и без согласия суда. Дознаватель еще менее самостоятелен. Его процессуальные решения требуют согласования с начальником подразделения, начальником органа дознания, многие – согласия прокурора и разрешения суда. Кто из перечисленных лиц несет ответственность за результаты расследования и отдельные процессуальные действия и решения? Напрашиваются два варианта ответа:

1) ответственным субъектом предварительного расследования является непосредственно должностное лицо, в производстве которого находится дело, т. е. следователь или дознаватель;

2) ответственным субъектом предварительного расследования является соответствующий территориальный орган предварительного расследования, руководитель которого делегирует свои полномочия, т. е. поручает производство тех или иных процессуальных действий следователю или дознавателю; он же их и контролирует.

При любом варианте потребуется соответствующее уточнение закона, однако фактически практика уже идет по второму пути, поскольку и дознаватели, и следователи работают исключительно по указаниям своего начальника по службе, а перечень процессуальных полномочий таких руководителей за время действия УПК РФ существенно возрос. Ответственность за ре-

зультаты расследования, таким образом, перемещается на руководителя органа, осуществляющего предварительное расследование.

Правовая норма, предполагающая вынесение постановления о принятии уголовного дела к своему производству и, соответственно, принятии ответственности за расследование, утрачивает свой смысл – она сменяется поручением о производстве расследования одному или группе должностных лиц, одно из которых тем же поручением назначается руководителем группы. Одновременно следовало бы внести большую ясность в вопрос о распределении полномочий между контролирующими работу следователя (дознателя) субъектами, множественность которых, включая суд, размывает ответственность за качество и эффективность досудебного производства в целом, а также за законность и обоснованность каждого отдельного действия и решения. Достаточно указать на ставшую очевидной неэффективность судебного санкционирования действий и решений органа расследования.

Окончание досудебного производства

Целенаправленность предварительного расследования позволяет назвать субъекта, заинтересованного в его результатах, того, кто этими результатами может воспользоваться. Расследование, как следует из закона, не обязательно должно иметь своим результатом судебное разбирательство. Оно может завершиться прекращением уголовного преследования, а значит и производства по делу, в том числе и по мотиву недоказанности обвинения. Постановление о прекращении уголовного преследования – такой же законный выход из досудебного процесса, как и передача дела в суд, естественно, в том случае, если это постановление в установленном законом порядке не было отменено. Решение о прекращении уголовного дела свидетельствует о том, что задача установления обстоятельств события, по поводу которого производилось расследование, выполнена, лицо, его совершившее, установлено, но основания для направления уголовного дела на рассмотрение суда отсутствуют (не подтвердилось наличие события или состава преступления, выявлены предусмотренные законом основания освобождения от уголовной ответственности и т. д.).

Окончание расследования составлением обвинительного заключения (обвинительного акта) означает не только возможность инициировать судебное разбирательство, но и возникновение обязанности доказывания перед судом тезиса о виновности обвиняемого с целью применения к нему мер уголовной ответственности. Такую обязанность и такую ответственность принимает на себя прокурор в момент утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта, означающего передачу дела на рассмотрение суда. Этим и обусловлено существование специального, переходного этапа между следствием, дознанием и судом (гл. 31, ст. 226, ст. 226.8 УПК РФ). Пока прокурором не принято решение о направлении уголовного дела в суд, досудебный этап производства не считается окончательным, прокурор вправе и даже обязан направить дело следователю, дознавателю для устранения обстоятельств, препятствующих возможности осуществления пра-

¹ Азаренко Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. 35 с. С. 27.

восудия, а его (любые) указания органу расследования должны быть обязательными для исполнения.

Отказ органа расследования от исполнения указаний прокурора можно рассматривать как причину, исключаящую направление дела в суд. Очевидно, если прокурор не видит оснований для направления уголовного дела в суд, усматривает такие недостатки расследования, которые не позволят ему в суде реализовать принимаемую на себя ответственность, он вправе и обязан вернуть материалы уголовного дела в орган расследования. В чем тогда можно усмотреть смысл созданной законодателем сложной бюрократической процедуры обращения к вышестоящему прокурору с возражениями против полученных указаний? Только ли в возложении на вышестоящего прокурора обязанности принять на себя ответственность за результаты расследования и обвинительную деятельность в суде? Прокурор не может быть принужден к принятию на себя этой ответственности вопреки его основанной на внутреннем убеждении позиции. Таким образом, именно прокурор несет всю полноту ответственности за принимаемое им решение об окончании досудебного производства, за неблагоприятные последствия, которые могут наступить, если он направит дело в суд, не обеспечив полноту, всесторонность и объективность расследования, и, в конечном итоге, за результат судебного разбирательства.

Одним из таких последствий в идеале должна стать невозможность возвращения уголовного дела прокурору после принятия его судом к производству. Утверждением обвинительного заключения завершается и процесс формирования государственного обвинения как предмета предстоящего судебного разбирательства, и само досудебное производство. Можно согласиться с С.Б. Россинским в том, что обеспечение возможности формулирования государственного обвинения, как предмета будущего судебного спора (уголовно-правовой претензии), и представляет собой цель предварительного расследования [12].

Начало досудебного производства

Учитывая, что время, отведенное прокурору для принятия решения по уголовному делу, расследование по которому закончено, в срок расследования не включено, срок досудебного производства может быть больше, чем срок собственно расследования. Этот факт поднимает вопрос о соотношении расследования с досудебным производством, т. е. не только об окончании досудебного производства, но и о его начале. Сегодня этот активно обсуждаемый в теории вопрос не имеет правильного решения.

Ответственная за этот вопрос гл. 19 УПК РФ неоднократно подвергалась изменениям, причем не всегда последовательным, что может рассматриваться как свидетельство отсутствия у законодателя четкой позиции по вопросу о характере и значении деятельности на этом этапе.

Основной и давно обсуждаемый вопрос – момент начала предварительного расследования и, следовательно, досудебного производства. Вариантов два: а) расследование начинается в момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела; б) расследование начинается в момент поступления/регистрации сообщения о преступлении. Это принципиальный во-

прос, с ним связана сама возможность осуществления процессуальной, т. е. урегулированной УПК РФ деятельности. Здесь уместно вспомнить так называемую протокольную форму досудебной подготовки материалов, известную УПК РСФСР: пока решение о возбуждении уголовного дела не принято, никакие следственные действия, кроме осмотра места происшествия, не допускались; информация о преступлении, полученная не процессуальным путем, фиксировалась в общем протоколе, который служил поводом к принятию дела судом к производству и одновременно к возбуждению судом уголовного дела. Подвергнутая критике именно за последнее обстоятельство, протокольная форма была упразднена².

Проблема, однако, сохраняется, и дело не в формальном решении о возбуждении уголовного дела, а в том, что для начала предварительного расследования закон требует наличия не только законного повода, но и достаточного основания, обуславливающего саму потребность в производстве расследования. Шаг за шагом законодатель наполнял предшествующий принятию решения этап набором операций, которые как бы позволяли эти основания установить. Сегодня эта проверочная деятельность, предшествующая принятию решения о возбуждении уголовного дела, фактически превращена в суррогат расследования. Собранные сведения объявлены доказательствами, а требование соблюдать при их получении «порядок, установленный настоящим Кодексом» для обеспечения их допустимости придает этой деятельности отчетливо выраженный процессуальный характер, хотя она находится за рамками процесса, который может начаться только после появления самого дела.

Сложившаяся реальность уничтожила границу процессуальной деятельности, что еще больше обострило вопрос о моменте начала досудебного этапа уголовного процесса. Ни один из предлагаемых сегодня вариантов решения этой проблемы не является идеальным, каждый имеет свои плюсы и минусы. Однако в любом случае лучше своевременно начать расследование, чем заменять его квазипроцессуальными процедурами, которые предусмотрены ст. 144 УПК РФ. Причина размывания границ между непроцессуальными (розыскными, административными) и процессуальными формами деятельности кроется в излишне осторожном подходе к началу расследования, а точнее – в неправильном истолковании достаточного основания к возбуждению уголовного дела вследствие подмены понятия «признаки преступления» совершенно не идентичным ему понятием «состав преступления».

Справедливости ради следует отметить, что эта проблема возникла не сегодня. В учебнике 1951 г. читаем: «Незаконным является расследование по поводу деяния, не заключающего в себе *состава преступления*»³. Страх необоснованного возбуждения уголовного

² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края».

³ Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. 510 с. С. 221.

дела проистекает и из порочной системы оценки результативности работы правоохранительных органов, когда нормальная практика прекращения уголовных дел при неподтверждении в ходе расследования наличия состава преступления, признаки которого усматривались в информации о его совершении, рассматривается как брак в работе следователя.

Другая причина этого явления – чрезмерность срока, который занимает проверка наличия признаков состава преступления. Вероятно, стоит подумать и о раздельной регистрации сообщений о преступлениях и сообщений неоднозначного содержания, которые нельзя рассматривать как поводы к возбуждению уголовного дела. Обратная сторона этого вопроса – известный риск незаконного укрывательства «безнадежных» с точки зрения раскрываемости преступлений от учета. Но бороться против одного негативного явления с помощью другого, столь же неприемлемого – неэффективно. Раздельный учет поступающих в правоохранительные органы сообщений, снятие административных препон, ограничение срока проверки сообщения о преступлении и строгое соблюдение правила о достаточном основании для принятия решения о начале расследования в комплексе могут снизить остроту рассматриваемой проблемы. Перспективной видится также цифровизация процесса подачи и принятия сообщений о преступлении [19].

Так или иначе, ст. 144 УПК РФ в ее нынешнем виде должна быть упразднена. Так называемая доследственная проверка либо должна быть выведена за рамки уголовного процесса, а формы и методы этой деятельности депроцессуализированы, либо стать частью предварительного расследования со всеми вытекающими из этого решения последствиями. В любом случае момент начала уголовно-процессуальной деятельности должен иметь четкое, однозначное обозначение.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающее освещение проблем досудебного производства, но со всей очевидностью демонстрирует назревшую необходимость его реформирования в заданном направлении.

Уголовный процесс и уголовное судопроизводство не являются идентичными понятиями. Уголовный процесс включает в себя уголовное судопроизводство в качестве одной из двух составных частей, отличающейся от досудебного производства сущностными и функциональными характеристиками.

Эффективное управление уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования требует более четкой, чем в настоящее время, локализации досудебного производства путем законодательного формулирования его целей, задач и принципов, указания на ответственного за достижение результата предварительного расследования должностного лица (государственного органа), обозначения моментов его начала и окончания.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется обсуждение вопросов о системе, единстве и дифференциации принципов уголовного процесса, упорядочивании деятельности должностных

лиц, влияющих на работу следователя, дознавателя, унификации полномочий прокурора вне зависимости от формы расследования, об обоснованности дифференциации форм предварительного расследования и его структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М.: Госюриздат, 1959. 262 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Ч. 2. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
3. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. 224 с.
4. Шадрин В.С. Вступительная статья // Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2019. С. 5–16.
5. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2009. 203 с.
6. Козьяин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. 266 с.
7. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 417 с.
8. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 81–87. EDN: [OOTURE](#).
9. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
10. Головко Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118. DOI: [10.31857/S013207690009942-8](#).
11. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 142 с.
12. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. М.: Норма, 2022. 232 с.
13. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006. 111 с.
14. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: ЛГУ, 1976. 143 с.
15. Соловьев А.С. Благоприятствование защите (*favor defensionis*). М.: Норма, 2021. 296 с.
16. Принципы уголовного процесса / под ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. М.: Проспект, 2022. 336 с.
17. Шарипова А.Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 120–127. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-1-120-127](#).

18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
19. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–146. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146).
10. Golovko L.V. State participation in the criminal procedure: from “equality of arms” to realistic theories. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 107–118. DOI: [10.31857/S013207690009942-8](https://doi.org/10.31857/S013207690009942-8).
11. Mikhaylovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessualnaya forma)* [Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedural form)]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 142 p.
12. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu* [Pre-trial proceedings in a criminal case]. Moscow, Norma Publ., 2022. 232 p.
13. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Kruglov I.V. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [The Purpose of Criminal Court Procedure and Punishment]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya Publ., 2006. 111 p.
14. Elkind P.S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugolovno-protsessualnom prave* [Purposes and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedure Law]. Leningrad, LGU Publ., 1976. 143 p.
15. Solovev A.S. *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis)* [Favor protection (favor defensionis)]. Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
16. Rusman G.S., Darovskikh S.M., eds. *Printsipy ugolovnogo protsessa* [Principles of the criminal process]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 33 p.
17. Sharipova A.R. On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 1, pp. 120–127. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-1-120-127](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127).
18. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 470 p.
19. Maslennikova L.N. Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, ensuring access to justice in the Industry 4.0 era. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 6, pp. 137–146. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146).

REFERENCES

1. Savitskiy V.M. *Prokurorskiy nadzor za doznaniem i predvaritelnym sledstviem* [Prosecutor’s Supervision of Inquiry and Pretrial Investigation]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 262 p.
2. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal justice]. Sankt Petersburg, Alfa Publ., 1996. Ch. 2, 607 p.
3. Manova N.S. *Dosudebnoe i sudebnoe proizvodstvo: sushchnost i problemy differentsiatsii protsessualnykh form* [Pretrial and Judicial Proceedings: The Essence and Problems of Differentiation of Procedural Forms]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava Publ., 2003. 224 p.
4. Shadrin V.S. Introductory article. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti*. Moscow, Norma Publ., 2019, pp. 5–16
5. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Programma ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Procedure Program]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 203 p.
6. Kozyavin A.A. *Sotsialnoe naznachenie i funktsii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Social purpose and functions of criminal justice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 266 p.
7. Barabash A.S. *Publichnoe nachalo rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [Public beginning of the Russian criminal process]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2009. 417 p.
8. Efimichev S.P., Efimichev P.S. Tasks of the preliminary investigation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2006, no. 9, pp. 81–87. EDN: [00TURE](https://www.edn.ru/00TURE).
9. Petrukhin I.L., Baturov G.P., Morshchakova T.G. *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya* [Theoretical foundations of the effectiveness of justice]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 392 p.

Pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia: place, role, significance, and development prospects

© 2023

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The paper considers the problem of legislative registration of pre-trial proceedings as an independent part of the criminal procedure aimed at achieving its goals and objectives. The criminal procedure unity declared by the legislator, which is manifested in the general purpose of all criminal procedural activities (Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), and the continued identification of the criminal procedure with criminal proceedings (Article 1, paragraph 56 of Article 5, Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) contradict its mixed nature, create a false impression of the unity of the criminal procedure activities of investigators, prosecutors, and judges, hinder the actual development of adversariality as a principle of exclusively judicial proceedings, negatively affect the quality and efficiency of the criminal procedure as a whole. According to the author, a clear division of pre-trial and judicial proceedings should increase the responsibility of the preliminary investigation bodies and the prosecution office for the effectiveness of pre-trial proceedings, as well as ensure the true independence of the court. Consideration of pre-trial proceedings

as an independent type of activity separated from judicial proceedings allows deferring to the judgment of the scientific community the question of the necessity to fix both the goals and objectives specific to each part of the criminal procedure and the formulation of separate groups of principles determining the essence of criminal procedural activity in pre-trial and, separately, in judicial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings; pre-trial proceedings in criminal procedure; criminal procedure; criminal proceedings; criminal procedure structure; goals, objectives, and principles of pre-trial proceedings; beginning and conclusion of pre-trial investigation; pre-trial investigation subject.

For citation: Lazareva V.A. Pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia: place, role, significance, and development prospects. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-20-27.